

### МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПРЕДАНИЯХ И ЛЕГЕНДАХ О ЧИНГИСХАНЕ<sup>1</sup>

В фольклоре монгольских народов одной из распространенных тем являются устные рассказы, топонимические предания, генеалогические легенды о жизни и деятельности знаменитых исторических личностей. Среди мифологизируемых исторических персонажей особое место занимает фигура Чингисхана. В топонимических преданиях выявлены основные мотивы, связанные с пространственным хронотопом (военные походы, погоня, охота). В ходе анализа определены реалистичные и мифологические мотивы, установлены устойчивые мифологические мотивы, сложившиеся в культуре монгольских народов. Поводом для мифологизации легендарного образа в основном стали факты прижизненной биографии как самого Чингисхана, так и его сподвижников.

**Ключевые слова:** жанр; мотив; мифология; история; герой; персонаж.

Dampilova Lyudmila Sanzhiboevna  
 Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies  
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences  
 Ulan-Ude, Russian Federation  
 Dambiyhorloo Narantsetseg  
 Mongolian University of Culture and Arts  
 Ulaanbaatar, Mongolia

### MYTHOLOGICAL MOTIVES IN LEGENDS AND STORIES ABOUT GENGHIS KHAN

Oral stories, toponymic and genealogical legends about life and activity of the famous historic figures are presented in folklore of the Mongolian people. Genghis Khan's figure takes special place among the mythologized historical characters. In toponymic legends the main motives connected with a spatial chronotope (military campaigns, pursuit, hunting) are revealed. Realistic and mythological motives are defined, the steady mythological motives which have developed in the culture of the Mongolian people are revealed. The facts of the lifetime biography both Genghis Khan, and his associates became reasons for their mythologization.

**Keywords:** genre; motive; mythology; history; hero; character.

Традиционные прозаические повествования (мифы, легенды, предания), встречающиеся в устном бытовании, составляют одну из наиболее крупных и комплексных жанров фольклора. В новейших исследованиях устного творчества определение жанра легенды весьма разнообразно. В нашей статье мы придерживаемся точки зрения, согласно которой «в легенде соединяются историзм и наивная вера, фактология и утопия, повседневное и сверхъестественное. В отличие от мифа легенда не связана с обрядом и не сосредоточена на выражении архаических пластов сознания, хотя и может их затрагивать. По сравнению с преданием, легенда обладает большей обобщенностью, и в этом смысле она ближе сказке. Но если сказка представляет собой намеренное конструирование воображаемой реальности, то легенда сохраняет статус правдивого повествования» [Поэтика, 2008, с. 358].

В экспедициях по Монголии и Бурятии нами записаны легенды и предания, связанные со знаменитыми историческими и мифологическими именами монгольского мира. В фольклоре монгольских народов одной из распространенных тем являются устные рассказы, топонимические предания, генеалогические легенды о жизни и деятельности знаменитых исторических личностей. Среди мифологизируемых исторических персонажей особое место занимает фигура Чингисхана.

Примечательно, что в Бурятии существует множество топонимических преданий о Чингисхане без развития сюжетной канвы с указанием мест его пребывания. Основной мотив в этих коротких повествованиях – мо-

тив военного похода – связан с пространственными ориентирами для обозначения новых топосов. В событиях (предикатах), связанных с походом, героем является Чингисхан, персонажами выступают его воины, жены. «Система актантов в сочетании с предикатом составляют основу семантической структуры мотива» [Силантьев, 2004, с. 129].

Название села Санага в Закаменском районе имеет несколько этимологий, по одной из версий здесь Чингисхан забыл свой ковш ( бур. *шанага*), по другой версии исторический герой Сэнгужаб (Чингуджав) оставил свой ковш на этом месте. В мотиве похода, где главным является движение, отмечается привал как впервые обозначенный топос. Семантику ойконима Харасай ( бур. *хара сай* ‘черный чай’) в Закаменском районе местные информанты расшифровывают, связывая с именем Чингисхана. Его воины на этом месте остановились на привале и заварили чай (записано от Намсараева Николая Дашиевича, 1952 г.р., род шошоолог, с. Санага, Закаменский район, Республика Бурятия. Соб. Л. С. Дампилова, 2012 г.). Актуализируется тот же мотив военного похода, привал маркирует чужое пространство. Возможно, более достоверна версия, согласно которой название местности возникло от глагола *хараха* ‘смотреть’, ибо здесь находился караул. Но народ выбирает и с интересом рассказывает вариант, имеющий более древние этимологические связи с собственной историей, с традиционными символами. По обычаю монгольских народов оберегающим хозяевам и духам утром преподносят чай с молоком, а когда находятся вдали от родного очага, то

<sup>1</sup> Работа выполнена при поддержке РФФИ-МОКНМ\_а в рамках научно-исследовательского проекта № 18-51-94003 «Сохранность и трансформация фольклорных и этнокультурных традиций бурят России, Монголии и Китая».

заваривают черный чай и посвящают своим духам. В данных рассказах исторический герой не мифологизируется, создается нарратив как бы на достоверной почве с реально возможными событиями, связанными с историческими походами героя.

Притягательность имени Чингисхана доказывает тот факт, что наряду с традиционными более древними топонимическими преданиями параллельно существуют развернутые повествования, связанные прямо или косвенно с его именем: «В дороге жена Чингиса устала. Они остановились у реки. Жена от усталости стала капризничать. Чингис в честь ее назвал реку Эрху ‘капризная’» [Небесная дева лебедь, 1992, с. 166]. Думается, повторяющиеся параллельные версии преданий доказывают недостоверность сочиненных правдоподобных историй о военных походах Чингисхана по нынешней бурятской земле.

О названии мыса Кобылья голова на острове Ольхон существует предание, что здесь воины Чингисхана оставили после своей стоянки огромный таган. Интересными кажутся размышления Г. Ф. Миллера об этих многочисленных историях: «По рассказам монголов, Чингисхан имел свое главное местопребывание при реках Ононе, впадающей в Шилку, и Куринлуме, впадающей в озеро Далай. Они же рассказывают, что Чингисхан иногда доходил со своими кочевьями до озера Байкал. Доказательством этого должен будто бы служить таган, поставленный им на горе, на острове Ольхон, который находится на указанном выше озере, и на тагане большой котел, в котором лежит лошадиная голова. Хотя я не получил подтверждения этому от бурят, живущих в окрестностях озера Байкал и на острове Ольхон, я все же считаю приведенное известие о владениях Чингисхана весьма вероятными, так как первые завоеванные Чингисханом земли – Китай и Тангут – лежат поблизости» [Миллер, 2005, с. 423]. Устойчивость мотива похода и привала как ведущего топоса показывает однотипность сочиненных по одному образцу топонимических преданий.

В монгольском мире (в Цагаан-Ууле, Ханхе Хубсугульского аймака, в Закаменском, Селенгинском районах Бурятии) распространены названия вершины гор Уран Дүшэ ‘наковальня’. По шаманским мифам кузнецы спускаются с небес на горы, чтобы ковать железо, так и в этих устных рассказах, являясь главным героем, образ Чингисхана мифологизируется как образ кузнеца с небесными корнями. «Историческая личность в мифе укрупняется, приобретая сверхъестественные размеры и способности. В устных рассказах о Чингисхане миф, исконно являясь символичным, свободно выходит за социально-исторические и пространственно-временные рамки» [Дампилова, 2017, с. 465].

Одним из распространенных мотивов в рассказах о Чингисхане является мотив погони, также связанный с идеей движения. В монгольском мире развитым является реалистичный сюжет о коварных женах Чингисхана, взятых из плененных народов и желавших погубить его. В следующем рассказе Чингисхан женится на девушке невиданной красоты, которая оказалась оборотнем. В данном случае вводится мифологический компонент – образ оборотня, придавая всему повествованию ирреальный характер. Когда ее разоблачили, она, превратившись в черную лисицу, убегает от Чингисхана, а далее развивается трафаретный мотив погони, во временной последовательности маркируя каждый этап остановки. Примечательно, что все обозначенные топосы, точно семантически подобраны в соответствии с народной

этимологией: «Они гнались за ней по территории Монголии, Читинской области, и в районе с. Торей Джидинского района снял хан свой лук в Номто, да не выстрелил, поэтому деревня стала называться Номто (от бур. *ном* ‘лук’). В северном Торее бил родник, который был закупорен Чингисханом. Из него впоследствии разлилось озеро, которое назвали *Таглай* (от бур. *таглаха* ‘закупоривать, затыкать’)... Чингисхан на протяжении многих дней скакал вверх и вниз вдоль Торее в погоне за лисицей и заблудился. Так появились села Верхний и Нижний Торей (от бур. *төөрхэ* ‘блуждать, плутать, терять дорогу’). В 6-7 км к юго-западу от Нижнего Торее есть местность под названием Подхулдочи (бур. *Хадхалдааша*). Именно там, по преданию, Чингисхан, наконец, настиг черную лисицу и убил, пронзив копьем (от бур. *хадхаха* ‘колоть, втыкать, вонзать’)» (записано от Санжай-Сурэн Раднаевой, 1947 г.р., с. Малый Нарын, Джидинский район, Республика Бурятия. Соб. Л. С. Дампилова, 2010 г.). Итак, все названия последовательно расшифрованы с соблюдением статуса «правдивого повествования».

Мотив погони за настоящей лисицей повторяется в предании о названии местности *Онохой* в долине рек Уды и Шара-Улунки в Заиграевском районе: «Вдруг Чингисхан увидел лисицу и поскакал за ней, но конь споткнулся, и зверь успел убежать. «У-у, шара нохой!» – закричал он с досады» [Маслова, 2008, с. 157]. Стоит отметить лаконичность языка и информативность повествования в топонимических преданиях. Предание, как правило, осознается как реальность, содержит повествование как бы об имевших место событиях, в них образ Чингисхана показан в реалистических конкретных ситуациях.

Как правило, сакральные события, имеющие отношения к легендарному имени, как в мифах, происходят вне определенного исторического времени. Шаманская святыня Даян Дэрх, находящаяся в Хубсугульском аймаке, имеет древние мифологические корни. В легендах подобного характера в народном сознании время становится нейтральным, бесконечным, мифологическим. Исторический персонаж Чингисхан в контексте мифологического повествования вслед за основным мифологическим героем также приобретает мифологический статус.

О Даяндэрхе существует следующая легенда: *Даяндэрх шүтээн нь эрт дээр үед Чингисханы ургийн гүнжийг хулгайлан аваад Онон мөрнөөс Хэнтий нуруу, Минжийн хангай дамжуулан зугтаж Буурын голын адаг Тужийн нарсны хөлд Чингисийн баатруудад гүйцэгдэж удган мод болон хувилжээ. Тэндээс Түшиг цагаан нуур Товхонхон, Хантийн нуруу дамжин хөөгдэн зугтсаар Дээрхийн голын адагт дахин гүйцэгдэж сэлмээр хөмсгөө тас цавчуулаад чулуу болон хувирсан гэдэг домогтой. Хаднаас агуйд нүүсэн* ‘В древние времена он, украв принцессу из рода Чингисхана, бежал с реки Онон через Хэнтэйский хребет и Минжийн хангай. Когда воины Чингисхана догнали его у устья реки Буур, у подножья Тужийн нарс, он превратился в дерево-шаманку. Оттуда он дальше бежал через Тушиг цагаан нуур, Товхонхон, Хантийский хребет, однако у устья реки Дэрхи его снова настигли и отсекали ему мечом брови. После этого он превратился в камень. В дальнейшем со скал перекочевал в пещеру’ (записано от Хадан Пурвын Жамсарана, 87 лет, бурят (закаменский), Цагаан Уур Хубсугульский аймак, Монголия. Соб. Л. С. Дампилова, 2011 г.). Сюжет повествования раскрывает причину появления каменного идола, соединяя мифоло-

гическую историю с вымышленным, как бы достоверным событием. По новейшим исследованиям, мифология входит в состав двух наук – семиологии и истории, или, как пишет Барт: «...семиологии как науки о формах и идеологии как исторической...» [Барт, 2008, с. 269]. И во всех устных повествованиях образ Чингисхана как легендарной исторической личности востребован как национально значимый знак.

В связи с присоединением бурят к России в устных рассказах распространяются сюжеты, связывающие Россию с легендарным именем. В легенде «Ромашка» жена Чингисхана уехала в Москву, там родила сына, и дальше развивается сюжет легенды о восхождении на престол рода Романовых. В ходе развития сюжета используется известный в буддийских нарративах мифологический мотив зажженной свечи: «Свеча должна была загореться у того, кому суждено стать царем. Многие бояре и князья пробовали зажечь свечу, но ни у кого из них она не загорелась. А едва Ромашка поднес огниво с кресалом, как свеча вспыхнула сама по себе. Но и тогда князь и бояре все сомневались, как это бедный кучер, человек без роду и племени, станет царем» [Небесная дева лебедь, 1992, с. 167].

В сюжете повествования правдоподобные версии как бы достоверного характера перемежаются с мифологическими вставками: «Чингис вручил ему шапку-корону, царскую крестообразную печать-тамгу и знамя-сулдэ». Характерное для жанра смешение исторических временных и пространственных параметров дополняется мифологическим временным аспектом: «Кучер стал

царем. Бояре хотели убить его. Тогда вдруг возник перед ними верхом на тигре сам Чингис» [Небесная дева лебедь, 1992, с. 167]. Мифологический мотив защиты явно выдержан в буддийских тонах, герой появляется на тигре как буддийские божества. Необходимо подчеркнуть, что вставные мифологические мотивы в тексте значительно влияют на семантическое развитие сюжета. Мифологизированное имя исторического персонажа в сюжетной канве с его магическим вмешательством, сверхъестественной силой изменяет статус основного героя.

В топонимических преданиях выявлены основные мотивы, связанные с пространственным хронотопом (военные походы, погоня, охота). В ходе анализа определены реалистичные и мифологические мотивы, установлено использование устойчивых мифологических мотивов, сложившихся в культуре монгольских народов. Поводом для мифологизации легендарного образа в основном стали факты прижизненной биографии как самого Чингисхана, так и его сподвижников.

В устных рассказах, фиксируя исторические события, народ отражает своеобразие своей духовной и материальной культуры. Как важнейший компонент этносознания монгольских народов образ Чингисхана в устной хронике отдельной местности используется параллельно с другими версиями. С эстетической точки зрения образ Чингисхана востребован в обыденной, повседневной жизни как связь с необычным историческим именем, легендарное имя создает динамику всему повествованию.

#### Литература

- Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2008. 384 с.
- Дампилова Л. С. Миф и история в топонимических легендах и преданиях бурят и монголов // Мир Центральной Азии–IV. Иркутск: Оттиск, 2017. С. 464–468.
- Маслова С. В. Названия окрестности поселка Онохой Республики Бурятия // Имя. Социум. Культура: материалы II Байкальской междунар. ономастической конф., 4–6 сент. 2008 г. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2008. С. 157–159.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Восточная литература, 2005. Т. 1. 3-е изд. 630 с.
- Небесная дева лебедь: Бурятские сказки, предания и легенды / сост., запись И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 368 с.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии: Вып. IV. Материалы этнографические. СПб., 1883. 1026 с.
- Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной. Intrada, 2008. 358 с.
- Силантьев И. В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.